

И. А. Антонова

## ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО ПОРТА В СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХУ

Стены Херсонеса, защищавшие его со стороны Карантинной бухты, служившей городу гаванью и портом, раскапывались К. К. Косцюшко-Валюжиничем. В 1892—1895 гг. были исследованы оборонительные стены от XXIII до XXI и часть куртины, примыкавшая к этой башне с юго-запада<sup>1</sup>. Соединение этой куртины с основной линией стен исследовано не было. Между тем именно на этом участке должен получить разрешение вопрос о времени сооружения оборонительной стены не только в средневековую эпоху, но о древнейшей ограде города и росте городской территории, являющейся предметом спора исследователей.

В 1904 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич вновь возвратился к изучению башни XXII<sup>2</sup>. Он открыл начало оборонительной стены, пристроенной к внешнему южному углу ранее раскопанной башни. Тогда же им были обнаружены остатки жилых домов позднесредневековой эпохи между этой стеной и исследованной в предшествующие годы 25-й куртиной<sup>3</sup>. Уже тогда встал вопрос о возможном существовании прибрежной стены, но в последующие годы раскопки были перенесены на другие участки и стена осталась неисследованной. В 1906 г. раскапывалась приморская башня XX и на протяжении 70 м примыкающая к ней с северной стороны куртина<sup>4</sup>. Ее направление еще более укрепило у исследователя мысль о наличии приморской оборонительной линии. Однако очень плохая сохранность оборонительных сооружений в этом районе породила и другое истолкование раскопанных памятников. Один из наиболее крупных специалистов по древней фортификации А. Л. Бертъе-Делагард отказался признать за ними оборонительное значение и усматривал в них опорную стену древней набережной, поставленную перед стенами на существовавшем в то время урезе воды для защиты от размыва низины территории порта<sup>5</sup>.

Продолжение раскопок, несомненно, доказало бы правоту К. К. Косцюшко-Валюжинича и существенно изменило бы представления об обороне порта, но преждевременная и неожиданная смерть исследователя оставила эти сооружения последними в длинном списке открытых им в Херсонесе памятников.

В последующее время, несмотря на публикацию результатов раскопок 1904 г., вскрывших начало приморской оборонительной стены,<sup>6</sup> она

оказалась забытой исследователями, а куртина 23, примыкавшая к башне XX предположительно связывалась в единую систему с куртинами 24 и 25<sup>7</sup>.

Только 60 лет спустя, в 1964 г., на участке башни XXII, занимавшей важнейшее место в системе обороны порта, вновь были сосредоточены археологические исследования. В результате трех лет работы вскрыта новая оборонительная линия протяженностью в 140 м и соединены участки раскопок 1904 и 1906 гг. Конфигурация оборонительной линии оказалась достаточно далекой от ранее предполагаемой. Раскопками вскрыты остатки трех башен XXV, XXVI и XXVIII<sup>8</sup> и морские ворота в город, фланкируемые двумя из них. В процессе раскопок открыты две лестницы, ведущие на оборонительные стены, и, что наиболее важно, прослежены многократные перестройки оборонительных стен и башен (рис. 1).

Строительная биография оборонительных сооружений этого района сложна и многие детали ее еще недостаточно ясны. Работы здесь осложняются тем, что башни XXVI и XXVII, фланкирующие ворота, и большая часть 38-й куртины затоплены морем.

История возведения оборонительных сооружений исследованного района насчитывает 7 крупных строительных периодов (рис. 2).

К I строительному периоду относятся остатки оборонительной стены, вскрытые внутри сохранившейся башни XXII и нижний ряд кладки 26-й куртины (рис. 3). Внутри башни выявлены три плиты лицевой кладки. Одна из плит поставлена на ребро. Высота ее: 0,6 м, длина 1,2 м, толщина 0,2 м. Аналогичного характера плита, но большей длины — 2 м, также поставленная на ребро, сохранилась на расстоянии около 3 м от первой, уже на западном конце 26-й куртины. Однако остальные камни нижнего ряда куртины имеют другой размер — от 0,6 до 1 м в длину при одинаковой высоте ряда 0,6 м. Направление 26-й куртины и участка стены, обнаруженной внутри XXII башни, не совпадает, так как они соединялись под углом. Кладка на стыке стен была разобрана при сооружении опорного столба в более позднее время. Забутовка стены состояла из рваных камней среднего размера и глины. Керамический материал, извлеченный из забутовки, позволяет датировать стену I строительного периода временем не ранее III—IV вв. Он представлен фрагментами характерных для этого времени крупных желобчатых амфор цилиндрической формы с венчиком в виде массивного валика и массивными сложнопрофилированными ручками, фрагментами крупных гладких амфор с ножкой, вытянутой в виде стержня и амфорами с длинной ножкой, длинным узким горлом и высокими ручками, округлыми в сечении. Эта же дата подтверждается материалом из слоев, примыкавших к стене со стороны города.

Во II строительный период на стыке 25 и 26-й куртин была сооружена башня (рис. 2), пристроенная впритык к их облицовке. Длина восточной стены башни — 4,8 м, западной — 6,5 м. Фронтальная стена скрыта под кладкой более позднего времени. Стены толщиной в 1,15 м сложены на известковом растворе. Сохранился нижний ряд фундамента восточной стены, состоящий из рваных, заметно окатанных водой камней

среднего размера и часть фундамента юго-западной стены у соединения с кладкой 25-й куртины. На всем протяжении западной стены видны остатки раствора, четко указывающие направление и толщину. Стены башни поставлены на слой глины, специально насыпанной на песчаный грунт. Углубление здесь не имело смысла вследствие значительной толщины наносного грунта и в связи с тем, что большая глубина закладки фундамента совпала бы с уровнем моря.

Время возведения башни может быть определено керамическим материалом из глинистого слоя в южной половине ее внутреннего пространства, который по ряду признаков следует рассматривать как внутреннее заполнение. Среди немногочисленных фрагментов керамики, найденных здесь, преобладают фрагменты стенок амфор V—VII вв.<sup>9</sup>

Не выходят за пределы указанных хронологических границ и встреченные здесь фрагменты кровельной черепицы. На основании этого материала возведение башни II строительного периода не может быть отнесено ко времени ранее V—VI вв. Для подтверждения этой даты может быть привлечен нумизматический материал городских слоев у стен II строительного периода. Из монет, найденных на небольшом участке у 25-й куртины, только 3 относятся ко II в. 185 монет датируются серединой и концом IV в. и 2 монеты—началом V в. Учитывая, что башня существовала одновременно с этой стеной, но была построена раньше ее, так как в нее впущен фундамент стены, более вероятно отнести сооружение башни ко 2-й половине V или VI в.

III строительный период характеризуется обширным строительством: в это время заново возводятся 25 и 26-я куртины. Возможно, их сооружение шло неодновременно, а с каким-то незначительным интервалом во времени. К этому предположению склоняет характер соединения куртин, прослеженный с тыльной стороны. Стены соединены не вперевязь, что является обычным при одновременном строительстве; кладка 25-й куртины примыкает к кладке 26-й куртины. Стена I строительного периода, существовавшая до этого времени, на 26-й куртине была разобрана до нижнего ряда лицевой кладки, который использован как фундамент при новом строительстве. Вновь возведенная стена по вертикали не совпала с плоскостью стены I строительного периода и нависала над нею на 5—7 см, что убедительно указывает на разновидность строительства, хорошо, впрочем, прослеживаемую и по различию типов кладки. От куртины 25-й описываемого III периода сохранился только фундамент, сложенный из довольно крупного рваного камня, иногда слегка подтесанного с лицевой поверхности. Наземная часть стены была разрушена при последующих перестройках. 26-я куртина сохранилась с боевой стороны на высоту трех нижних рядов облицовки, бутовая кладка стены на 1—1,2 м возвышается над блоками лицевой кладки. Для облицовки стены применены крупные, прямоугольные удлиненные плиты размером 0,4 × 0,7; 0,4 × 1 м. Отличаясь по длине, плиты имеют равную высоту и уложены правильными рядами. Поверхность всех камней сильно повреждена. Одновременно с новой стеной продолжала функционировать башня V—VI в. Следы значительного ремонта ее прослеживаются с тыльной стороны. Уровень пола нижнего этажа был

в это время поднят на 1,10—1,15 м, о чем свидетельствует кладка. Для датировки III периода строительства могут быть использованы лишь косвенные данные. Траншея для фундамента 25-й куртины вырыта в слоях VI в., о чем свидетельствуют монетные находки и керамический материал. Фундамент 25-й куртины с боевой стороны скрыт кладкой стены V строительного периода. На поверхности 7-го примыкающего слоя вскрыта обширная известковая яма. Яма разрушена при строительстве стены V периода и северной стороной уходит под кладку фундамента этой стены. Канализационный канал из стены V периода прорезает дно ямы в западной ее части. Все перечисленное неоспоримо свидетельствует, что известковая яма могла быть связана только со стеной III строительного периода. В известковом растворе на дне ее найдена монета Юстиниана (518—527 гг.) Керамический материал из слоев у тыльной стороны куртины говорит о длительности ее службы. Время строительства ее определяется слоями, содержащими обломки керамики: светлоглиняные амфоры с широким, относительно высоким горлом, заканчивающимся округлым валиком и округлым дном,<sup>10</sup> реберчатые красноглиняные амфоры цилиндрических пропорций, с нешироким горлом, округлое дно заканчивается вытянутой шишкой; крупные светло-красные гладкостенные амфоры с коническим дном и венчиком с небольшим перехватом, крупные светлоглиняные круглодонные амфоры с широким туловом, орнаментированным в верхней части глубоким рифлением<sup>12</sup>. Амфоры этих форм широко известны в Херсонесе.

Отсутствием более ранних форм и характер последующих напластований заставляет датировать слои, связанные с возведением рассматриваемой стены, вероятно, в VI—VII вв. Разобрана эта стена была не ранее X в., о чем будет сказано ниже. 26-я куртина рассматриваемого периода строительства может быть датирована близким временем.

В IV строительный период полной перестройке подвергается башня, а куртины 25 и 26-я остаются не затронутыми строительными работами (рис. 2).

Башня XXII второго строительного периода сносится до последнего нижнего ряда кладки фундамента. На этом же месте, но с несколько иной ориентацией (с севера на юг) сооружается также (прямоугольная в плане) новая башня, по размерам значительно превосходящая предшествующую. Ее размеры 7,3 × 9 м (по внешнему обмеру). Стены башни сооружены на песчаном основании с применением ростверка, следы которого в виде темных пятен перегнившего дерева прослежены вдоль нижнего ряда фундамента трех стен башни. Лицевая кладка сделана из тщательно обработанных и подогнанных одна к другой плит, положенных по типу кладки «кардоном на ребро, плитой на образок»; ряды такой кладки чередуются с рядами плит, положенных плашмя. Однако следует отметить, что ни в одном случае тычковые камни не пропущены в толщу стены и представляют в полном смысле ее облицовку. Это обстоятельство значительно отличает кладку башни IV строительного периода от классических образцов так называемой кардонной кладки. Сохранившаяся на три ряда лицевая кладка тыльной стороны башни сложена иначе. Здесь нет чередования ложковых и тычковых

плит, пропорции камней также другие, тщательно обработанные, удлиненные, прямоугольные плиты средней величины, плотно подогнаны одна к другой. Высота плит 0,5 см, длина различна. На одновременность кладки тыльной и боевой сторон башен указывает один и тот же характерный раствор с примесью толченой керамики и кладка всех стен вперевязь.

Верхние слои внутри башни были сняты раскопками 1894 г.<sup>13</sup> и не зафиксированы. Грунт заполнения башни был употреблен вторично после использования его для заполнения башни II строительного периода и вряд ли может представлять бесспорное основание для датировки башни. Возведение ее нельзя отнести ко времени ранее VII — VIII вв., так как башня сооружена позже стены III периода строительства.

С другой стороны, ряд признаков указывает, что сооружение башни не может быть значительно отодвинуто от времени постройки 25-й куртины V строительного периода: уровень порога и входа в башню почти совпадает с уровнем дневной поверхности времени сооружения стены V строительного периода и уровнем порога уборной, расположенной здесь же. Фундамент башни опущен в слой с обильным содержанием обломков амфор, бытование которых датируется VIII — XI вв.<sup>14</sup>

С боевой стороны стены цокольный ряд башни лишь на 7—10 см ниже цоколя 25-й куртины V периода строительства.

V строительный период — время новой перестройки оборонительной стены. Перестраивается 25-я куртина. Предшествующая ей стена III периода, построенная в VI в. сносится до верхнего ряда фундамента и на этом фундаменте сооружается новая стена (рис. 2, 3). Конец куртины, примыкающий к башне XXII расширяется до 3,5 м против 2,4 м на остальном протяжении; в толще стены устраивается уборная с выводом канализационного канала за стену. Канал сложенный из тонких плит, поставленных на ребро, с цемянковым ложем, прослежен на протяжении 8 м. Расширение конца куртины потребовало сооружения с наружной стороны стены нового фундамента. В результате отклонения направления новой стены от предшествующей фундамент старой стены III периода выступает за вертикальную плоскость новой стены. (Ширина выступа у башни — 0,1—0,5 м, на расстоянии 15 м от нее — 0,5 м). Куртина пристроена к башне IV строительного периода. От лицевой кладки, как с боевой, так и с тыльной стороны, сохранилось 3 ряда, нижний из которых образуют плиты, положенные плашмя. Характер кладки отличается от всех ранее рассмотренных. Для облицовки употреблены крупные прямоугольные блоки. Кладка выполнена по принципу квадровой (рис. 3). Высота первого ряда блоков 0,2 м, второго — 0,7 м, третьего — 0,5 м. Кладка куртины совершенно однотипна кладке XIV башни, датируемой нами концом X в.<sup>15</sup> и очень близка кладке западной стены башни XX<sup>1</sup>, относящейся, видимо, к XI в. (Ближайшей аналогией нашей является также кладка башен и дворца в Плиске)<sup>16</sup>. В это же время строится лестница, ведущая на башню XXII и 25-ю куртину и проводится значительный ремонт самой башни. От лестницы сохранился фундамент, примыкающий к тыльной стороне 26-й куртины и северной башни, и нижняя ступень марша. Это дает возможность реконструкции

стены и башни (рис. 4). Во всех углах башни устанавливаются массивные подпорные столбы, которые могут свидетельствовать об изменении конструкции перекрытия. Характер блоков лицевой кладки опорных столбов и раствор совершенно идентичны кладке и раствору 25-й куртины и резко отличны от кладки башни. Все это делает возможным отнести возведение опорных столбов к V строительному периоду. Дата этого строительства определяется находкой в забутовке стены фрагментов плоскодонных амфор с высоким узким горлом и плоскими широкими ручками, время бытования которых определяется VIII—XII вв.<sup>17</sup>.

Вдоль тыльной стороны куртины четко прослежена траншея, вырытая во время строительства. На отдельных участках она перекрыта плоскими прямоугольными плитами, благодаря чему четко отделяется дневная поверхность сооружения стены от напластований времени ее функционирования. В засыпи траншеи и в составе слоя времени ее строительства найдены монеты Константина VII (944—945 гг.). На расстоянии 4 м к северу от куртины сохранилась кладка здания, разрушенного во время строительства стены. На это указывал оборванный водосточный канал, который, очевидно, подходил к стене III строительного периода. В канале водостока найдена монета X в. Формы посуды в слоях, связываемых с постройкой стены, бытуют в Херсонесе в IX—XII вв.<sup>18</sup>. Однако стена эта просуществовала недолго. Через относительно короткое время она была разобрана в связи с реконструкцией всей системы оборонительных сооружений порта (рис. 1).

VI строительный период — время наиболее значительной перестройки оборонительной стены в рассматриваемом районе, время существенного изменения всей системы обороны портового района.

Все оборонительные сооружения к западу от XXII и северо-западу от крестообразной XX башен разбираются до уровня дневной поверхности того времени.

Новая оборонительная стена строится впритык к юго-восточному углу XXII башни. Стена идет на юг вдоль берега Карантинной бухты на незначительном расстоянии от современного ей уреза воды. На расстоянии 90 м от башни XXII она меняет направление, поворачивает на запад и, делая плавный поворот, подходит к северо-западному углу башни XX'. У поворота стены были построены «морские» ворота в готическом стиле, укрепленные двумя прямоугольными башнями. Участки между воротами и XXII башней и между воротами и башней XX' дополнительно укрепили несколькими небольшими и незначительно выступающими по фронту башенками (рис. 1).

Приморская оборонительная линия на участке от башни XXII делится на 3 различные по величине куртины. Наиболее короткой является 37-я куртина. В VI период строительства она начиналась от юго-восточного угла XXII башни и на расстоянии 10 м от нее завершалась небольшой полукруглой башней XXV. От стены сохранилась лишь часть фундамента, сложенного из крупных камней на известковом растворе характерного красноватого цвета. Поблизости от южной стены башни XXII в кладку фундамента включен обломок ствола канелированной колонны из белого мрамора. Толщина стены — 2,6 м. Следов ростверка,

столь характерного для XXII башни, под этой стеной нет, здесь он заменен довольно значительной подушкой, на которую и положены камни фундамента. При последующем строительстве башня была разобрана и сейчас от нее сохранились только скрепленные раствором плоские плиты основания. Башня была полукруглой, ширина основания 6 м, вынос за оборонительную стену на 4 м (рис. 2). Исследование участка с боевой стороны куртины выявило пологий древний берег. Понижение рельефа шло в двух направлениях: с северо-запада на юго-восток и с севера на юг. Древняя поверхность четко отделялась от перекрывающего ее грунта вымосткой из плоских плит, нынешний рельеф в этом районе значительно изменен вековыми наносами морского песка, а также насыпью отработанного грунта, ссыпавшегося здесь во время раскопок 1892—1894 гг.

38-я куртина, примыкающая к описанной башне с юга, была также построена у самого уреза воды. Длина куртины 58 м. Только северный конец куртины сохранился сейчас на суше, остальная ее часть и обе привратные башни скрыты под водой. Северный конец куртины облицован с внешней стороны прямоугольными, хорошо обработанными камнями различного размера: длина колеблется от 0,5 м до 1 м, ширина — от 0,4 м до 0,6 м, по высоте — не более 0,3 м, правильность высоты ряда соблюдена. Тыльная сторона стены там, где ее удалось проследить — облицована таким же камнем, но несколько меньшего размера. Все камни кладки стерты волной. Южный конец 38-й куртины примыкает к башне XXVI, являющейся северной привратной башней (рис. 5). Вторая фланкирующая ворота башня XXVII находится на расстоянии 16 м от первой<sup>19</sup>. Башни однотипны и одинаковы по размеру 7,5×6 м.

Южная XXVII привратная башня поставлена не параллельно северной, а несколько повернута, так что расстояние между башнями у фронтальной стороны их — 18,3 м, а у тыльной — 16 м. Со стороны, обращенной внутрь воротного проема, обе башни имеют прямоугольные пристройки (размером 3,5×3,3 м). Назначение их окончательно еще не выяснено. Возможно, они были возведены для сужения оказавшегося слишком широкого прохода между башнями и являлись дополнительными укреплениями, образуя перед входом в город хорошо защищенное и обстреливаемое пространство. Достаточных оснований для определения времени сооружения пристроек нет. Однако, несомненно, что возведены они позже башен, так как пристроены к лицевой кладке их стен (рис. 2).

Интересная особенность, впрочем, достаточно хорошо известная в Херсонесе, прослежена в устройстве фундамента XXVI башни и примыкавшего к ней сооружения. Слабость грунта и постоянные колебания уровня воды побудили строителей, во избежание просадок, укрепить его забивкой свай, на которые был положен фундамент. Под фундамент пристройки к северной башне было вбито около 90 свай, торцы которых хорошо видны. Между ними, на всю ширину пристройки, положено 10 широких плах. В основание восточной части башни были уложены 12 мраморных колонн. На них покоится нижний ряд кладки стен башни, состоящей из крупных прямоугольных блоков размером 0,7×0,7×1 м.

В XXVII башне такое устройство не прослежено. Возможно, ростверк скрыт сохранившейся каменной кладкой. Конструктивно ближайшей аналогией «морских» ворот Херсонеса являются ворота Константинополя; наблюдается сходство между башнями 39 и 40, 59 и 60, 65 и 66<sup>20</sup>. Пока еще недостаточно ясно и требует дополнительных исследований конструкция проема ворот. Проем образован отрезками оборонительных стен толщиной 2,5 м и протяженностью 3 м. Эти участки сложены вперевязь с башнями, т. е. одновременно с ними. Лицевая кладка их, состоящая из хорошо обработанных прямоугольных камней, сделана очень тщательно<sup>21</sup>. С городской стороны к XXVII башне примыкает лестница (рис. 6). Вскрыты 9 ступеней лестничного марша, 4 из которых находятся сейчас ниже уровня моря и затоплены водой. Ширина каждой ступени 0,33 м, высота 0,22 — 0,25 м, ширина лестничного марша — 2,65 м в то время как обычная ширина лестниц в Херсонесе не превышает 0,9—1,2 м. На двух верхних ступенях не сохранились крайние камни. Третья и четвертая ступени, считая сверху, у внешнего края имеют круглые гнезда диаметром 0,15 м, вероятно, для крепления перил. Размеры рассматриваемой лестницы, возможно, связаны с оснащенностью башен крупными орудиями. С северной стороны ворот у XXVI башни конфигурация остатков внутренней стороны стены совершенно аналогичная описанной (рис. 5). Это заставляет предполагать, что и здесь, видимо, была лестница на 38-ю куртину.

Как уже говорилось, 39-я куртина на расстоянии 71 м от башни XX' была раскопана К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1906 г. В связи с преждевременной смертью исследователя отчет о раскопках не был составлен, что существенно затруднило осмысление памятника. Раскопками последних лет вскрыта боевая сторона куртины. От башни она поворачивает к западу, затем к югу и примыкает к северной стене башни XX'. Протяженность куртины 90 м. Кроме завершающих ее башен XX' и XXVII, по фронту куртины размещены еще 3 небольшие различные по величине башенки, подобные тем, которые открыты у южной оборонительной стены, уничтоженной в 1893 г. при постройке батареи военного ведомства. К настоящему времени на 39-й (23)<sup>22</sup> куртине сохранилось две из трех башен. Только нижний ряд кладки относится к рассматриваемому нами времени строительства. Лицевую кладку стены образуют хорошо обработанные прямоугольные камни, аналогичные прослеженным на 38-й куртине. Они скреплены характерным известковым раствором красноватого оттенка. Работы на прибрежном участке крайне затруднялись обильно подступающей водой, поэтому исследование 39-й куртины не завершено. Раскопки пришлось прекратить на слое XII в. Пробный шурф длиной в 4 м и шириной 1,5 м от башни XXVII показал, что лицевая кладка стены в настоящее время затоплена водой на глубину 1,5 м от уровня лицевой кладки. Примерно эту же величину подъема уровня моря со времени X в. указывают уходящие в воду ступени лестницы и затопленные сейчас, первые ряды кладки башен XXVI и XXVII.

Время строительства новой приморской стены определяется с одной стороны керамикой из слоев, перекрывающих 25-ю куртину V периода



строительства, разобрannую после постройки новой стены, с другой стороны — материалом из раскопок помещений, возникших на участке между XXV башней и 37-й куртiной. Строения, часть которых была раскопана еще в 1904 г.<sup>23</sup>, могли возникнуть только после постройки новой приморской стены, когда эта территория была включена в черту городской огады. Для установления времени сооружения стены наиболее интересным является помещение № 3. Оно примыкало к оборонительной стене VI строительного периода, но было разрушено при последующей VII перестройке и, поэтому дает материал времени существования рассматриваемой нами стены. На четко прослеживаемом, плотно утрамбованном полу помещения было найдено значительное количество керамики и обломков кровельной черепицы. Среди них преобладают фрагменты плоскодонных амфор с ленточными ручками и ранний вариант амфор грушевидной формы с ручками, не поднимающимися над горлом, а также обломки керамид с комковатым шамотистым тестом и керамид из хорошо промешанной глины, с широким прямоугольным бортиком, ангобированной поверхностью и лиловым в изломе цветом черепка. Интересны фрагменты белоглиняного поливного блюда с росписью геометрического рисунка, полива светло-желтая, прозрачная, рисунок в коричневых тонах. Здесь же найдено 15 монет, относящихся к концу IX—X вв.; 4 монеты Василия I; 7— Льва VI, Льва VI и Александра, 3— Романа I, 1— Константина VII и Романа II.

К сожалению, в данном случае они могут дать только *terminus post quem* для постройки стены. Более интересны в этом отношении монеты императоров Романа I, Льва VI, Василия II, найденные с боевой стороны 37-й куртiны, но не на поверхности связываемого с ее строительством 3-го слоя, а ниже его в составе 5 и 6-го слоев, т. е. до возведения стены. Принимая во внимание, что сооружение 25-й куртiны V периода строительства датируется монетами этой же эпохи, т. е. IX—X вв., что стена эта простояла относительно недолго, о чем свидетельствует состояние ее кладки, но вместе с тем достаточно для образования с ее внешней стороны мощного слоя выброса, по характеру однородного и относящегося к IX—XI вв., учитывая, наконец, что траншея под фундамент 37-й куртiны VI периода строительства выкопана в толще этих отложений, сооружение новой приморской стены VI периода следует отнести к XI—XII вв. Возведение новой стены по своему значению выходило за пределы обычных ремонтов и перестроек фортификационных сооружений, вызываемых утратой или ослаблением их обороноспособности. Ее сооружение вызвано другими причинами и внесло коренные изменения в оборону порта, значительно изменив конфигурацию его крепостной огады. Сейчас пока трудно уверенно указать на соображения, которые обусловили направление старой оборонительной стены — нашего V строительного периода: размещение ее на значительном расстоянии от берега противоречило требованиям фортификации, так как важнейший участок береговой полосы оставался слабо защищенным. Новая оборонительная стена была не только лучше приспособлена, но и намного сократила протяженность фронта обороны. Однако при строительстве этой стены была допущена инженерная ошибка, исправлен-

ная через непродолжительное время. Пристроив новую стену к юго-восточному углу наиболее мощной в этом районе XXII башни, строители тем самым резко ослабили ее боевую мощь, сократив возможности ее использования. Башня теперь тремя сторонами была обращена внутрь крепости и лишь восточная сторона ее могла использоваться при защите города.

Работы, проведенные в последующий VII период строительства, так же значительны по объему, несмотря на то, что на отдельных участках приморской стены они еще не выделены с желаемой четкостью.

Короткая 37-я куртина полностью была снесена, лишь у юго-восточного угла XXII башни сохранились остатки ее фундамента. До основания разобрана и полукруглая башня XXV. Новая 37-я куртина пристроена теперь не к юго-восточному, а к юго-западному углу башни XXII, чем были возвращены, хотя и частично, возможности ее использования в обороне (рис. 3). Сохранилось бутовое заполнение стены и местами лицевая кладка тыльной ее стороны (толщина стены 3 м). Лицевая кладка наружного панциря разобрана и удалена, но размеры камней четко прослеживаются по горизонтальным порядкам и отпечаткам на растворе. Размеры блоков лицевой кладки  $0,8 \times 0,4$  м, они укладывались длинной стороной вдоль стены. Кладка произведена на известковом растворе белого цвета с примесью мелкого гравия. Она четко отличается от розового раствора стены предшествующего периода.

Башня XXV также была перестроена. Полукруглая форма ее заменяется, видимо, прямоугольной, однако говорить об этом уверенно трудно, так как восточная стена башни не сохранилась. Ширина башни — 5,5 м, сохранившаяся длина ее северной стены 5 м, южной — 3 м. Толщина стен — 1 м, тыльная стена имеет толщину на южном конце — 1,25 м, на северном — 1,7 м. Увеличение толщины произведено позже строительства башни, так как новая бутовая кладка положена впритык к угловым блокам первоначальной стены.

Ширина новой башни меньше полукруглой и почти на 1 м выступает за пределы северной стены башни VII периода строительства. От основания полукруглой башни стены новой возводились из чистотесанных камней (размером  $0,38 \times 0,5 \times 0,3$  м), несмотря на то, что они несомненно лежали ниже уровня дневной поверхности и были скрыты под землей. Башня была полый внутри, на земляном полу ее прослежены обильные остатки горения. Небольшие размеры башни и близость к значительно более мощной XXII башне говорят о том, что она носила вспомогательный характер.

Направление 38-й куртины было сохранено прежним, но стена VI периода строительства была, по неясным пока причинам, разобрана до нижнего ряда и использована как основание для возведения новой стены. Это хорошо прослеживается на всем, находящемся на суше, северном конце куртины; кладка VII периода строительства на известковом растворе белого цвета со значительным содержанием мелкого гравия, перекрывает кладку предшествующего времени, выполненную на растворе характерного розоватого цвета.

Интересной особенностью вновь построенной стены являются ниши

на ее тыльной стороне (рис. 6). Они невелики по размерам и неглубоки. Глубина ниши 1,3—1,5 м, ширина 1,2 м, расстояние между нишами от 1,2 до 1,7 м. Фундамент под опоры между нишами примыкает к оборонительной стене VI периода и перекрывает ее кладку. В Константинополе аналогичная конструкция передней стены относится к эпохе императора Мануила Комнина<sup>25</sup>. Всего прослежено 7 ниш, далее вдоль куртины к югу они прекращаются. Толщина стены сужается до толщины, характерной для предыдущего VI периода строительства. Это дает право рассматривать снабженный нишами участок как основание лестницы на оборонительную стену.

Но, видимо, и это строительство, падающее на XI — первую половину XII вв., еще не завершило строительную биографию оборонительных сооружений портового района. К этой мысли приводят следующие данные. В толще кладки лестницы на 39-й куртине, сложенной на глиняном растворе, а не на известе, как сама куртина, за последней сохранившейся ступенью вскрыто захоронение в каменном саркофаге. Оно содержало останки четырех костяков, положенных на дно каменного гроба.

Захоронение произведено, когда лестница по каким-то причинам уже не функционировала. Показателен также характер разрушения 39-й куртины в ее наземной части там, где это нельзя объяснить действием морских волн. Нигде на других участках стены, сохранившиеся до последних дней жизни города, не имеют такого характера разрушения. Вся 39-я куртина как бы сnivelирована под один уровень — дневную поверхность примыкающих городских кварталов. В этом отношении вся восточная стена порта не может быть сравнена с находящимися рядом 16, 17, 18 и 19-й куртинами, бутовая кладка которых сохранилась высотой от 3 до 5 м от основания стены соответствующего времени. Вероятно, 39-я куртина как 25 и 24-я куртины, была намеренно разобрана. В этом плане большой интерес представляет заключение К. К. Косцюшко-Валюжинича, сделанное им в отчете за 1907 г. вскользь и потому, вероятно, забытое: «Но и эта береговая стена (имеется в виду 39-я куртина нашего VII периода строительства. — И. А.), весьма жалкая в сравнении с монументальной стеной древнегреческой эпохи, не является еще самым последним сооружением Херсонеса. Впереди этой стены, на береговой полосе, на всем ее протяжении от фланговой башни, открытой в 1897 г. (башни XVIII) и до площади у склада древностей, разобраны остатки построек, показанных частью и на прилагаемом плане<sup>16</sup>, между которыми главное место занимает часовня «щ» базиличной формы, в один неф, с прямоугольными плечиками и полукруглой апсидой, с синтроном в одну ступеньку и с боковыми выемами — скамьями. 27-я часовня размещена на расстоянии 3 м от фронтальной стены башни XX'. Как бы ни была уменьшена строгость фортификации в этот период, такое положение часовни несовместимо с действующей башней. Часовня, по определению К. К. Косцюшко, очень поздняя — XIII—XIV вв. и могла быть построена лишь после того, как башня XX' перестала служить оборонительным целям. Развалины часовни были перекрыты постройкой «татарского времени», найденной подводными работами 1967 г. восточнее башни XX' на расстоянии 15 м от современного обреза берега, на

глубине 2 м открыты остатки еще одной, неизвестной ранее, башни. Раскопанные два ряда кладки состоят из крупных блоков, размером  $0,7 \times 0,7 \times 0,1$  и  $0,7 \times 0,9 \times 1$  м. Фронтальная стена башни имеет длину около 8 м, боковые стены вскрыты частично. Пока неясен характер связи этой башни с оборонительными стенами, стоящими на берегу. Однако можно предполагать что башня XX' была связана с башней XXVII.

Результаты работ последних лет позволяют сделать некоторые выводы, степень аргументированности которых, к сожалению, не одинакова.

Исследованная XXII башня являлась важнейшим узлом обороны. Видимо, этим следует объяснить зафиксированное многочисленными перестройками и ремонтами, неустанное внимание к этому участку. Чем могли быть вызваны столь частые строительные и ремонтные работы? Лежат ли в их основе исторические события, вызывающие необходимость очередных перестроек? В какой мере состояние экономики города отражалось на судьбе оборонительных сооружений? Вопросы эти носят не частный характер, они очень важны для уяснения истории Херсонеса как в античную, так и в средневековую эпоху. В научной литературе наиболее распространенным был взгляд, согласно которому оборонительное строительство в Херсоне осуществлялось только до VI в. Впервые это мнение было высказано А. Л. Бертъе-Делагардом<sup>28</sup>.

А. Л. Якобсон в своих работах<sup>29</sup> детализировал и обосновал хронологию стеностроительства средневекового Херсонеса, не разойдясь существенно в датах с А. Л. Бертъе-Делагардом. По мнению А. Л. Якобсона, в истории фортификационного строительства средневековой эпохи в Херсонесе четко прослеживаются два основных этапа обширных работ. С первым из них связывается так называемый кардонный тип кладки, датируется он V в., эпохой императора Зинона. Второй этап представлен так называемым квадровым типом кладки и падает на VI в. — эпоху императора Юстиниана. Для последующего времени допускаются лишь незначительные ремонты в VI—VII вв. и в XI в., если учитывать известную надпись о сооружении железных ворот претория Херсонесским стратигом Львом Алиатом в 1059 г.<sup>30</sup>

Эта хронология не только является общепризнанной в научной литературе, но у некоторых исследователей стала исходной для датировки сооружений средневековых городов Крыма.

Окончательное прекращение строительства оборонительных стен в VI в. (если допустить такую возможность) лишало город, по крайней мере в течение семи-восьми столетий достаточно надежной обороны. А между тем, именно это время было наиболее насыщено событиями. Частая смена племен и народов в степях Крыма, карательные экспедиции Юстиниана II, неудержимо распространяющий свою власть хазарский каганат, длительно и напряженно ищущая выход к Черному морю Киевская Русь, позднее половцы и печенеги и, наконец, все чаще повторявшиеся страшно опустошительные набеги татаро-монгольских орд — таковы отдельные страницы этого бурного времени. В подобных условиях город не мог не заботиться о своей защите, тем более, что многочисленные надписи античной эпохи надежно свидетельствуют о том, что фортификационное строительство, поддержание обороноспособности боевых

сооружений давно уже стало одной из важнейших областей государственной деятельности, нерушимой традицией. Летописные сообщения об осаде Корсуня Владимиром, о долгом стоянии рати князя под стенами города подтверждают наше предположение. Такое положение сохранилось и значительно позже описываемых в летописи событий. Для XII в. обороноспособное состояние стен Херсона зафиксировано рассказом Анны Комниной о Лжелеве<sup>31</sup>.

Еще убедительнее свидетельствуют о постоянном внимании к обороне, о непрекращающемся вплоть до XII в. совершенствовании системы оборонительных сооружений города археологические материалы.

Исследования, проведенные в последние годы, дают возможность уточнить дату возведения многих оборонительных сооружений и везде устанавливают многократность строительных работ. Причины, вызвавшие то или иное строительство на каждом отдельном сооружении, различны. Уже сейчас мы можем говорить о том, что в истории города прослеживаются периоды более активного и менее активного проведения фортификационных работ. Однако со времен своего появления в IV в. до н. э. крепостная ограда никогда не была перестроена вся целиком сразу. Многократность перестроек, различная дата отдельных сооружений свидетельствуют о том, что ремонтные и строительные работы осуществлялись более или менее постоянно и диктовались состоянием обороноспособности. Нет сомнения, что размах строительных работ зависел от благосостояния города; однако, думается, что даже в самые трудные годы город не оставлял открытых брешей в своей крепостной ограде и, по мере необходимости, заменял обветшавшие участки стен. В связи с этим мы склонны допустить осуществление строительных работ, может быть, локального характера и в VIII в., когда во время карательной экспедиции Юстиниана II были повреждены две башни<sup>32</sup>.

XXII башня являлась важнейшим узлом обороны портового района, она занимала малоудобный участок, что, вероятно, в какой-то степени сказалось на частоте крупных строительных работ. Приведем некоторые соображения относительно причин, вызвавших строительные работы на участке XXII башни.

I строительный период открытой стены датируется III—IV вв. Однако не подлежит сомнению, что территория порта была ограждена стенами и до этого времени. В этой связи чрезвычайный интерес, несомненно, представляют участки оборонительных стен, открытые К. К. Косцюшко-Валюжиничем на территории монастырского виноградника в 1895 г. Раскопки проведены здесь на незначительную глубину, что ясно видно по приводимому в отчете плану, однако, несмотря на это, было открыто несколько разновременных линий обороны<sup>33</sup>.

К. К. Косцюшко-Валюжинич на чертеже, в отличие от основной открытой им линии оборонительных стен на участке между XXII и XXI башнями, обозначает отрезки стен к северо-западу от этой линии словами «древняя стена» и поясняет: «В некоторых местах сохранились, благодаря своим солидным размерам, остатки стен нижнего города. Стены эти не от зданий, так как они одинаковой толщины с оборонительной стеною и сложены из больших, иногда громадных плит»<sup>34</sup>.

На юго-западном конце 23-й куртины им вскрыта еще одна оборонительная стена, идущая под углом к куртине. По-видимому, ее можно увязать со стеной нашего III строительного периода, фундамент которой был частично использован при более позднем строительстве в IX—X вв. (V период строительства). Более ранним временем должны быть датированы участки оборонительных стен, открытые у северной границы монастырского виноградника. По всей видимости они являются продолжением той «древнейшей» стены, небольшой участок которой был открыт в 1892 г. восточнее излома стены между XXIII и XXII башнями, недалеко от бывшего караульного помещения<sup>35</sup>. При современном рельефе местности<sup>36</sup> ломаная линия обороны на участке 22, 23, 24 и 25-й куртин, иначе говоря отступление куртин далеко в глубь берега, кажется непонятным, неоправданным и противоречащим основным правилам фортификации, согласно которым оборонительные стены должны быть приближены к берегу моря в такой мере, чтобы не оставлять удобной площади для высадки неприятеля. В связи с этим обращает на себя внимание одно очень интересное обстоятельство — «движение вслед за морем» на участке XIX, XX и XX' башен, уже давно отмеченное исследователями.

Вскрытые раскопками участки оборонительных стен в районе 22, 23, 24 и 25-й куртин, дают в сущности аналогичную картину.

Наиболее древняя стена (участки, открытые К. К. Косцюшко-Валюжиничем) находится на значительном расстоянии к северу от последующей. Сохранившийся фундамент нашего III периода строительства также, хотя и незначительно, отступает на север по отношению к оборонительной стене IX—X вв. (V строительный период). Создается впечатление, что вплоть до изменения оборонительной линии в VI период строительства стены всех предыдущих построек упорно обходили какую-то территорию, значительно уходя в глубь берега. В этом отношении интересный материал дают раскопки у XXII башни. С тыльной стороны 25-й куртины (более древними напластованиями являются слои с материалами III—IV вв. Эти слои подстилаются мощными отложениями морского песка. Фундаменты оборонительной стены I периода строительства и башни II периода возведены на песке, в первом случае перекрытом глинистой подсыпкой, во втором — без нее. Шурфы, заложенные в этом районе в 1957 г. во время гидрологической разведки, также показали отложения морского песка, залегающие на глубине более 1,5 м.

Все эти данные свидетельствуют о том, что странное, на первый взгляд, направление оборонительной стены было обусловлено наличием здесь в древности рукава бухты. Карантинная бухта вплоть до XI—XII вв. имела данные очертания западного берега, море значительно глубже врезалось в берег. К XI—XII вв. рукав бухты, видимо, был засыпан<sup>37</sup>. После засыпи этого участка оборонительная система порта претерпела кардинальные изменения. Линия оборонительных стен была •намного вынесена к востоку. К этому времени, как мы уже говорили выше, относится башня XX'.

Новая оборонительная линия была значительно короче по фронту обороны и хорошо укреплена. На относительно коротком по протяжен-

ности участке она имела 4 больших башни и 3 малых. Кроме того, защита этого важнейшего участка была усилена оборонительными сооружениями соседних участков. К. К. Косцюшко-Валюжинич раскопал башню XXIII<sup>38</sup>. Она восходит к античной эпохе, в средневековый период была усилена специальным утолщением. После открытия «морских ворот» Херсонеса между XXVI и XXVII башнями стало ясно, что это утолщение одновременно башням ворот и что реконструкция башни XXIII произведена с целью защиты подступа к воротам. В противном случае разворот башни и усиление стороны, направленной внутрь бухты, были бы совершенно непонятны. Вход в бухту в это время охранялся прямоугольной башней и башней на крутом обрывистом берегу у куртины 28. Жалкие остатки последней, почти полностью обрушившейся в море, открыты раскопками 1967 г. Есть основания предполагать, что на противоположном берегу нынешней Карантинной бухты имелось дополнительное укрепление, усиливавшее охрану входа в бухту.

Оборонительная стена I строительного периода относится к III—IV вв. Ее строительство было вызвано, судя по остаткам на территории бывшего монастырского виноградника более древних кладок и отсутствию слоев ранее IV в. на участке с тыльной стороны 25-й куртины, необходимостью переноса всей линии обороны к берегу мелеющей бухты, точнее — некогда существовавшего здесь рукава бухты, вдоль которого и были возведены стены.

Башня II строительного периода построена в V—VI вв. с естественной целью усиления участка. К VI в. относится возведение стены III периода, существовавшего одновременно с башней. Время строительства XXII башни IV периода, когда она приобрела большие размеры и стала наиболее значительным оборонительным сооружением района, точно не фиксируется. Однако совершенно ясно, что ее строительство не могло отделяться большим промежутком времени от возведения стены V периода строительства, который на основании многочисленных данных уверенно датируется временем не ранее IX—X вв. Несущественный хронологический разрыв между постройкой башни и 25-й куртины V периода строительства четко определяется. Таким образом, возведение XXII башни IV периода строительства падает на отрезок времени между VI и IX вв. Башня строится на том же месте, меняются только размеры ее и немного ориентация. Стало быть, новое строительство не было связано с прогрессирующим осушением этого участка.

Возведение 25-й куртины V периода строительства и, как уверенно можно предполагать, 24 и 23-й куртин, а также XXI башни на многих участках пошло по линии фундамента стен предшествующего времени, но на некоторых участках оборонительная стена была несколько выдвинута к югу, т. е. приближена к берегу существовавшей здесь бухты. Несущественное изменение расстояния свидетельствует о том, что это обширное строительство было предпринято с целью придания достаточной прочности оборонительным сооружениям порта города, по-видимому, значительно обветшавшим за три века службы, а, возможно, и пострадавшим во время карательных экспедиций Юстиниана II. Изменение направления стены, видимо, явилось второстепенной задачей, решить

которую было целесообразно с основной. Столь обширное строительство, возможно, связано с организацией Херсонесской фемы. Во всяком случае, строительство в IX в. прослежено на многих участках крепостной ограды города.

Кардинальное изменение направления оборонительной стены в последующее время, видимо, было связано с осушением рукава бухты, который до этого времени огибали оборонительные стены.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> ОАК за 1892 г., Спб., 1894 г., стр. 15—16; ОАК за 1893 г. Спб., 1895 г., стр. 51—52; ОАК за 1894 г., Спб., 1896, стр. 52—60; ОАК за 1895 г. Спб., 1897, стр. 87—94.

<sup>2</sup> ОАК за 1904 г., Спб., 1907, стр. 49—52. Первоначально К. К. Косцюшко-Валюжинич счел башню за гавань или ворота города. См.: ОАК за 1894 г., стр. 52—60.

<sup>3</sup> ОАК за 1904 г., стр. 49—52.

<sup>4</sup> ОАК за 1906 г. Спб., стр. 59—62.

<sup>5</sup> А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, 1907, вып. 21, стр. 146.

<sup>6</sup> Правда, открыт был очень небольшой участок стены на протяжении не более 2,5—3 м.

<sup>7</sup> А. Л. Якобсон. Ранневековой Херсонес. МИА, 1959, № 63, стр. 110.

<sup>8</sup> Мы продолжаем порядковую нумерацию, данную А. Л. Бертье-Делагардом.— И. А.

<sup>9</sup> См.: настоящий сборник, статью И. А. Антоновой, В. Н. Даниленко, Л. П. Ивашути, В. И. Кадеева, А. И. Романчук. Средневековые амфоры Херсонеса, тип. I, II, XII, стр. 83, 84, 89.

<sup>10</sup> Средневековые амфоры Херсонеса. Наст. сб., стр. 87 (тип IX).

<sup>11</sup> То же, стр. 84 (тип II).

<sup>12</sup> То же, стр. 89 (тип XII).

<sup>13</sup> ОАК за 1894 г., стр. 53—54.

<sup>14</sup> Это широко известные круглодонные амфоры с характерным орнаментом в виде полосы рифления тонкими линиями на плечах сосуда; реберчатые, круглодонные амфоры удлинённых пропорций; широко известные плоскодонные амфоры с широкими плоскими ручками и высоким узким горлом. См. наст. сборн. Средневековые амфоры Херсонеса, стр. 89, 91, 92, типы XIV, XVI, XX.

<sup>15</sup> И. А. Антонова. Башня XIV. СХМ, вып. V (в печати).

<sup>16</sup> Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. X. Альбом, табл. VI, VIII, X, XIII, XXV и др.

<sup>17</sup> Средневековые амфоры Херсонеса. Наст. сборн. стр. 92, тип. XX.

<sup>18</sup> То же, стр. 89 сл. типы XIV, XVI, XVIII, XIX, XX.

<sup>19</sup> Участок ворот исследован нами совместно с отрядом аквалангистов из г. Харькова под руководством В. И. Кадеева.

<sup>20</sup> B. Mayer-Plath und A. M. Schneider. Die Landmauer von Konstantinopel. „Denkmäler antiker Architektur“, Bd. 8, Berlin, 1943, S. 40, Tafel 1—3.

<sup>21</sup> Не лишено оснований предположение о том, что описанные короткие участки оборонительной стены могли служить опорами для арки, проем которой в таком случае должен быть равен 10 м.

<sup>22</sup> До выявления связи XII башни XXI описываемая куртина получила нумерацию 23 (МИА, № 63, стр. 108). Правомернее дать ей номер 39, оставив 23 для куртины, идущей на запад от XXI башни.

<sup>23</sup> ОАК за 1904 г., стр. 50, рис. 62.

<sup>24</sup> Средневековые амфоры Херсонеса. Наст. сборн. стр. 92, тип. XX.

<sup>25</sup> B. Mayer-Plath und A. M. Schneider. Die Landmauer von Konstantinopel, S. 40.

<sup>26</sup> К сожалению, на плане 1907 г. никаких построек, кроме часовни «Щ», перед рассматриваемой оборонительной стеной не показано.

<sup>27</sup> К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в 1906 г. Архив ГХМ, д. 15, л. 26.

<sup>28</sup> А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 159—160.

<sup>29</sup> А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 67—115.



<sup>30</sup> В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен в южной России. Спб., 1896 г. См., также: Этюды по византийской эпиграфике.— ВВ; т. 2, вып. 1—2, Спб., 1895, стр. 184—189.

<sup>32</sup> Theophanis chronographia, ed. C. de Boor, Lipsiae, 1883, p. 378; Летопись византийца Феофана, пер. В. Н. Оболенского и Ф. А. Терновского, М., 1888, стр. 277.

<sup>31</sup> Анна Комнина, X, 2. Пер. и ком. Я. Н. Любарского. «Наука». М., 1965, стр. 266.

<sup>33</sup> ОАК за 1895, Спб., 1897, стр. 87—89.

<sup>34</sup> Там же, стр. 89.

<sup>35</sup> ОАК за 1892 г., стр. 15—16.

<sup>36</sup> В 1959 г. Центральными научно-реставрационными мастерскими Академии строительства и архитектуры в этом районе были проведены инженерно-геологические исследования. Излагаемая нами точка зрения учитывает результаты проведенных исследований.— «Краткий инженерно-геологический отчет по работам на территории городища Херсонес». Архив ГХМ, дело 770.

<sup>37</sup> Впервые предположение о «позднейшем образовании берега» за пределами оборонительной стены в этом месте было высказано К. К. Косцюшко-Валюжиничем (Архив ГХМ, дело 39). А. Л. Бертье-Делагард на основании анализа особенностей рельефа пришел к выводу о наличии здесь «отвершка» Карантинной бухты, возможно отделявшегося от остальной части бухты пересыпью (ИАК, вып. 21, 1907, стр. 124—125). Наличие нескольких разновременных линий оборонительных сооружений на этом участке их хронология и связь с рельефом отмечаются нами впервые.

<sup>38</sup> К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе. ИАК, вып. 38, стр. 158.

А. М. Гилевич. Монеты из раскопок портового района Херсонеса в 1963—1964 гг. 1910, вып. 25, стр. 158.

<sup>34</sup> См. прим. 30.

<sup>35</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 12.

<sup>36</sup> См. прим. 30.